

ЛОРА КЕЙЛИ

**КТО
Я?**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *А. Дурасова*

Кейли, Лора.

К33 Кто я? / Лора Кейли. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-166835-8

Если вы еще не получили сценарий жизни, Министерство вызовет вас.

Адам Грин — обычный парень, в день совершеннолетия он получает сценарий своего будущего. Он надеется на интересную работу, но ему выпадает роль осведомителя, и его обязанность ныне — докладывать Министерству о секретах людей. Адам решается помочь несчастным, попавшим под его наблюдение, не зная, чем это может обернуться.

В то же время в мире, где нет преступности, где судьба каждого прописана законом, а все сценарии идеальны, внезапно начинают пропадать люди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166835-8

© Кейли Л., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

ГЛАВА

Сегодня мне двадцать один. Как я еще дожил до этого дня, не получив белый конверт? Всем приходит конверт со сложенным вдвое письмом, где крупными черными буквами — «Министерство приглашает вас...».

Тебя пригласят, обязательно пригласят. Два года назад пригласили Матео, моего друга, и он пошел. А как не пойти? Таков закон. Письма можно ждать до совершеннолетия. Потом уже поздно — штраф или... Вот только я не знал, что «или», никто точно не знал, только догадывались. Приди сам и заberi, не пришел — уклонился. Говорили, что посадить даже могут. Вообще, они многое могут, в том-то и страх. Такие вот правила. Иногда письма не приходят по их вине, у них система глючит, а ты отвечай, сам отвечай. Мне оно так и не пришло. Поэтому я иду сам.

— Давно бы уже сходил! — кричала мать в телефон, поздравляя меня с днем рождения. — Все сами идут, а ты чего ждешь? — сказала она и повесила трубку.

Я надеваю штаны.

Пока не пришло письмо, ты на полном обеспечении у государства. Но как придет или как ты за ним пойдешь... В общем, Матео уехал из го-

рода, больше мы с ним не встречались. Пару раз только звонил, обозвал сопляком. У него, мол, жена уже беременная и работа кипит, а я все на пособии сижу. Ну сижу и сижу, какое ему дело.

Я надеваю рубашку.

Дурацкое чувство неопределенности — не знать, кто ты есть. Мама говорила, что раньше люди и не знали, и это было нормой, и каждый мог быть кем хотел: врачом, ученым или наркоторговцем. Сейчас тоже есть и врачи, и ученые, а вот наркоторговцев нет. Конечно, ученым мне не стать, в министерстве следят за всеми еще с пеленок, и все тесты, которые ты пишешь в школе, отправляются к ним. Врачом мне тоже, наверное, не быть, тех, кто им станет, вызывают раньше, лет в восемнадцать, а мы, про кого забыли или не вспомнили, мы можем стать менеджерами, или риелторами, или торговцами какими-нибудь. Да много «каких-нибудь» профессий, где специалистом становишься после первого дня, а не через пять лет учебы.

Я не хотел получать письмо. Совсем не хотел. Мне нравилось все как есть. Мне нравилась эта квартирка на втором этаже муниципального дома, большинство домов были муниципальными, в них жили те, кто еще не получил письма. После школы я сразу съехал от матери и поселился здесь. К сожалению, «неопределившимся» нельзя было устроиться и официантом или хотя бы доставщиком еды, можно было только жить на пособия, но меня и это устраивало.

Мать говорила, я не могу знать, кто я, пока не получу письма. Дети ее подруг давно уже все

получили и пошли учиться по специальности. А я боялся этого. Матео сказал, что я боюсь ответственности, что такой, мол, я получился трусливый, но это не так. Может, я и не смельчак какой, но и не ссыкун уж точно.

Мысль о том, что я не буду иметь никакого выбора, не давала мне покоя. С другой стороны, кто его имеет? Мать рассказывала, что, когда люди имели право выбора, они всегда сожалели о нем: не о праве — о выборе. Люди, мол, слишком глупы, чтобы что-то выбирать в юном возрасте.

К тому же совершенно выбора меня не лишают, я могу выбрать мебель в квартиру, а вот квартиру выбрать не могу, как, собственно, и жену. У них там какой-то отбор по генотипу. Множество детей рождались с патологиями, теперь почти все здоровы, есть небольшая погрешность, но где ее нет?

«Институт брака — главный из институтов», — гласил один из лозунгов министерства. Подобная реклама часто крутилась по телевизору. Раньше люди сами выбирали себе жен, и не один раз, это разрушало семьи, вырастали морально неустойчивые дети, создавая свои неустойчивые семьи. Все вело к краху.

За стеной опять играл Макс, он жил по соседству и брэнчал на своей гитаре каждый божий день. Стены были тонкие, песни одни и те же, я все выучил наизусть. Макс также особо ничем не занимался. Какое-то время он ждал письма, но конверт так и не пришел, и он перестал его ждать. Это он так сказал. Он говорил, что даже ходил в министерство и пытался скандалить, но ему

ответили, что все под контролем, что министерство всех помнит и чтобы он ждал своей очереди. Что-то в этой истории было не так, я нутром это чуял. Вообще, я с ним мало общался, странный он был тип, пропадал где-то ночью, возвращался под утро и начинал брэнчать. Как говорит моя мать, человек должен быть чем-нибудь занят. Макс хотел устроиться официантом или хотя бы посудомойщиком, но его никто не брал, без распоряжения министерства никуда не берут.

Я вышел на улицу. Министерство работало с девяти.

Наверное, надо было записаться на прием, но я пошел так. Была надежда, что меня не примут. Не могут же они принять всех. Если не будет талонов, приду завтра. Мать бы сказала, что я все делаю не так, отец бы сказал, что надо быть более собранным. Я говорю себе, что у меня есть еще день. Если кончатся все талоны, если будет очередь, если они по каким-то причинам закрыты, никогда не было таких причин, но все же, если будет хоть какое-то «если», у меня останется еще один день. И что я буду делать в этот день? Я думал об этом, когда стоял на светофоре, когда перескакивал с желтой на белую полосу, когда перешел дорогу, столкнулся с прохожим и завернул на следующий перекресток. Я понял, что ничего не мог придумать. Да, я очень скучный человек.

Я огляделся по сторонам. На каждом здании висели рекламные экраны, и в каждом из рекламных блоков была реклама министерства. Семьям из двух и более детей выделяются еже-

годные путевки на лучший курорт «Голубая лагуна». Волны с экранов шумели так естественно, что казалось, ты уже находился там, в эти волны прыгали дети, за детьми, держась за руки, шли родители. Пара оборачивалась, смотря на нас, и мы понимали, что они ждут еще одного ребенка. Все были счастливы, как того и хотело министерство. *Курорт «Голубая лагуна» – лучшее место для пар с детьми.*

Я нащупал в кармане биометрическую карту и пошел в сторону центральной площади. Чем ближе к центру, тем больше экранов. На каждом светофоре по одному. *Министерство заботится о вас. Следуй сценарию – будь в безопасности. Твое счастье – наша забота.*

Вдруг реклама на экранах погасла, показав лишь черное полотно, по центру которого шла бегучка: *экстренный выпуск новостей через пять минут.*

Меня пробрало холодной дрожью. Редко когда выпуск новостей был экстренным. В государстве, где все распланировано на полвека вперед, экстренным может быть только страшное. Я смотрел на черный экран, смотрел на бегучку и выжидал. Резкий звук автомобильного гудка спугнул меня с проезжей части.

— Смотри, куда идешь!

Я вспомнил, куда шел. Черные экраны не давали думать ни о чем другом.

Министерство находилось в самом центре площади. Полукруглое здание с высокими колоннами, декоративными балконами и вздыбленными лошадьми. На вершине, по центру, —

купол, вокруг него то ли гарпии, то ли волки с крыльями, так не разглядишь. По периметру газон с елями и лестница широкая, белая. Я взбежал наверх в надежде, что уткнусь в огромную очередь. Никого, кроме охранников и пары сотрудников. Они бегали с документами, хлопая дверьми, скрываясь в кабинетах.

— Вам куда? — спросил охранник.

— Я бы хотел получить свой сценарий, — вообще-то, я соврал: ничего я не хотел, — но, если все заняты, — я посмотрел на выход, — могу и завтра прийти.

— Вам в пятый кабинет, — сказал охранник и выдал мне жетон, — вон туда, — указал он на дверь с цифрой «пять».

Я смотрел на жетон, потом на дверь, потом снова на жетон — и не мог сдвинуться с места.

— Что-то не так? — насторожился он.

— Все так, — ответил я.

— В другие дни здесь яблоку негде упасть, вам, можно сказать, повезло, молодой человек.

— Повезло, — согласился я и пошел.

В кабинете номер пять у меня спросили, по какому я поводу, и, удостоверившись, что по нужному, попросили присесть.

— Мне уже двадцать один, а я еще не получил конверт.

— Угу, — кивнула немолодая женщина, открыла сейф и ушла в него с головой.

— Если на меня ничего нет, я могу и в другой раз прийти.

— Угу, — кивнула она еще раз и продолжала искать.

— Вообще, мне не срочно.

Она взяла мою биометрическую карту, провела ею по клавиатуре и начала вбивать что-то короткими острыми пальцами.

— Угу, все верно.

Принтер зашипел, заглотил один лист из кппы, потом второй, третий... — и постепенно начал выплевывать распечатанный текст.

— Вы вовремя, молодой человек, — сказала женщина.

— Мне не пришел конверт, — опять начал я.

Она собрала все листы, скрепила их степлером, поставила печать и отдала мне.

— Ваш сценарий, — сказала она, — хотите открыть?

— Здесь? Я не знаю...

— Обычно к нам возвращаются с вопросами, но если вы и так здесь...

Она была права, нет смысла ждать.

Я посмотрел на листы.

В графе «профессия» значилось одно слово — «ОСВЕДОМИТЕЛЬ».

Что было дальше, я не читал.

— Что-то не так? — спросила она, поведя изпод очков удивленной тонкой бровью.

— Осведомитель? — уточнил я.

— Вам очень повезло, это отличная профессия. Более подробно вы можете ознакомиться со сценарием дома. Ваш новый адрес там же, в документах.

Все это она говорила, не отрываясь от монитора компьютера, ее пальцы так быстро бегали по клавиатуре, а слова так заученно вылетали

ЛОРА КЕЙЛИ

изо рта, что я понял – до меня ей нет никакого дела. Задав еще пару вопросов и получив такие же отработанные ответы, я вышел.

«Вам очень повезло...» – наверное, это избитая фраза. Здесь раздают сценарии, а равнодушные такое, будто я за билетом в кино пришел.

– Получили? – спросил охранник, расплываясь в искусственной улыбке.

– Получил.

– Министерство заботится о вас.

– Угу, – кивнул я и ушел.

2

ГЛАВА

На улице стало темно и пасмурно. Нечто серое и тягучее заслонило свет. Люди замедлили шаг, кто-то никуда не спешил, так и стоял посреди перекрестка, ожидая новостей. Черные экраны все еще пускали бегучку. Какая-то нервная неопределенность повисла в воздухе. У нас редко что-то случалось. У нас даже тюрем как таковых нет. Каждый получал свой сценарий, и по каждому сценарию ты мог быть только законопослушным гражданином. Никто не назначит тебя вором или насильником. А любое отклонение от написанного, даже малейшее, даже на начальных этапах сразу пресекается законом. Мы чувствовали себя в безопасности. Не было ни преступных кварталов, ни маргинальных районов, у каждого своя работа и семья, никто не выживал в одиночку, все были полноправными гражданами. Что могло пойти не так?

Я пытался не смотреть на экраны, вцепившись в сценарий, я надеялся дойти до дома и спокойно прочитать его там. Меня не должны волновать какие-то новости, я вообще новости не смотрю, пусть волнуются те, другие. Я тут не для этого. Сейчас приду домой, засыплю зерна в

кофемашину, зайдет Макс и спросит, что гудит, а потом усядется на кухне, выжидая свою чашку кофе, я налью, лишь бы он не ворчал. Он перестанет и начнет смаковать, спросит, что это у меня в руках, я скажу, что сценарий, что сегодня я был в министерстве и получил его. Макс ухмыльнется, скажет, что кофе дерьмовый, я скажу ему купить уже свой, он заржет и выйдет за дверь. Хорошо, что мой сосед Макс, по нему невозможно скучать.

Надо было раньше забрать сценарий, раньше узнать, как жить. Мать была права, я не верю, что это сказал, но она чертовски права, и это ужасно бесило. Теперь я чувствовал хоть что-то под ногами. Да, это была земля, я уже твердо стоял на ней, я твердо шел по ней, по этому асфальту, по переулку, видел эти дома, себя среди них. Я опять увидел экраны, они уже не были черными...

Лицо молодой девушки смотрело со всех табло.

— Энджела Вуд пропала три дня назад, — говорил голос да кадром. — На данный момент о местонахождении девушки ничего не известно. Особые приметы: рост 170, среднего телосложения, длинные светлые волосы. Была одета в серые джинсы и блузку с цветочным принтом. Если вы располагаете какой-либо информацией о данном человеке, просьба позвонить по указанному номеру или прийти в ближайшее отделение полиции. У следователей есть все основания полагать, что причиной исчезновения Энджелы Вуд могло стать похищение. Просим жителей города, в особенности женщин, воз-

вращаться домой до десяти вечера, в противном случае на вас будет наложен административный штраф. С завтрашнего дня министерство объявляет комендантский час. С вами был экстренный выпуск новостей. Мы будем держать вас в курсе событий.

Новостная трансляция сменилась стоп-кадром лица пропавшей.

Очень страшно. Я никогда не испытывал страх. Нет, я не боялся опасности, я боялся потери контроля. Власть потеряла его. Полиция просит помощи, и у кого? У нас, простых граждан? Где мы должны увидеть эту девушку? Не думаю, что она прогуливается по улице или сидит в кафе. Интересно, все ли прочесали полицейские? Все мусорные баки, канализационные стоки, подвалы нежилых домов, заброшенные склады, шахты лифтов... Я был уверен, что она мертва. Если тебя нет трое суток, если ты не пришла на работу, тебя увольняют. Никто не будет так рисковать. Тебе не дадут второго шанса и не возьмут на другую должность, тебя вообще никуда не возьмут. Она не просто так пропала. Ее похитили. Я не хотел смотреть на эти экраны, я не хотел видеть ее глаза. Я не хотел представлять, что с ней делают сейчас или день назад. Когда не видишь лица, и представлять некого. Я сжал сценарий и встал у остановки. Огляделся по сторонам — никого. Открыл. Начал читать. Не мог понять ничего. Буквы то съеживались, то отпрыгивали друг от друга, то собирались в лицо этой девушки... И зачем я на нее смотрел?

Движение на дороге вернулось в свой ритм, люди расходились, машины, проезжающие мимо меня, обдавали влажным воздухом. Скоро польет. И почему такой важный день омрачился этим событием? Я не знал, кто эта девушка, я никогда ее раньше не видел, хотя кого я мог видеть, сидя в четырех стенах. На экранах шла все та же реклама, и пропавшая девушка уже не смотрела с них. «Голубая лагуна», счастливая семья, но уже немолодая. *Министерство исполняет мечты. Выиграй путевку на сказочный остров, участвуй в государственной лотерее.*

Ее найдут, успокаивал я себя, непременно найдут. До дома оставалось два квартала, я продолжил путь. Надо будет позвонить матери и Матео, сказать, что сценарий готов, надо будет почитать сценарий и купить уже кусок хоть какого-то торта. Я не заметил, как врезался в кафе. Стеклопакетные высокие двери, панорамные окна, бренчащие медные палочки, подвешенные у двери. Почему бы не отметить свой день рождения здесь? Куда лучше, чем дома.

Я заказал кофе и кусок шоколадного пирога, сел напротив окна, выбрав самый маленький столик. На кого он, интересно, рассчитан? Наверное, на таких, как я. Сегодня я не пригласил друзей. Как будто у меня были друзья. У меня был лишь один Матео, но он постоянно занят, он человек семейный, а я...

Мне принесли кусок торта, шоколадный бисквит, пропитанный вишневым сиропом, по центру кремовая начинка, сверху стружка из шоколада.

— И какие у тебя мысли на этот счет? — услышал я рядом. Подумал, что мне, оглянувшись не резко, а так, полубоком, покосился, но не смотрел.

Двое мужчин сидели сзади, я опять уткнулся в торт.

— Не будь она дочерью сержанта, никто бы и не дал объявления, — говорил один.

— Уже больше трех недель прошло, как пропала дочь моего друга, и хоть бы кто предал это огласке. Все молчат.

— Просто твой друг не сержант полиции.

— Он обычный посыльный...

— Потому и молчат.

Я уже не чувствовал, как пахнет торт, тот кусок, что успел проглотить, как-то странно встал поперек горла.

— Это все очень странно, — продолжали они.

— И концов не найдут.

— Не найдут.

— Они следят за нашей жизнью.

— Да.

— За жизнью каждого. Почему они не следили за преступником?

— Думаешь, один?

— Не знаю. Думаешь, банда?

— Я думаю, жертв гораздо больше.

— Больше, чем две?

— Думаю, да.

— Около двух месяцев назад я видел странную женщину.

— Так.

— Она расклеивала объявления на столбах.

— Так нельзя же их клеить.

— Ей так и сказал полицейский, он потом сорвал все и попросил ее пройти с ним.

— И что?

— Я видел, кого она искала.

— Ты видел объявление?

— Да.

— Ну и?

— Молодую девушку, похоже, что дочь, похоже, полиция не делала ничего.

— Она и не может ничего сделать. Там одни идиоты.

— Ты прав.

— Мне скоро шестьдесят, и я впервые вижу такое, чтобы люди пропадали.

— И я не припомню.

— И они не припомнят, эти сосунки в униформе, откуда они знают, как искать, если никогда не искали.

— Они догадались дать объявление на телевидение, — засмеялся один.

— На этом все и закончится.

Я еще долго сидел в кафе после того, как ушли эти двое.

Это уму непостижимо, думал я.

Это не твоего ума дело, — говорил внутренний голос.

Но если что-то страшное?

Тебе-то что?

Может, я смог бы что-то предпринять?

Ты? Предпринять? Не смей меня.

Надо мной смеялся я сам.

С трудом дошел до дома и рухнул на кровать. В комнате было как-то странно, чего-то

не хватало, только я не понимал чего. Не хотел ни о чем думать, в голове крутились слова диктора: *...если вы располагаете какой-либо информацией о данном человеке, просьба... Рост 170, среднего телосложения, длинные светлые волосы. Была одета в серые джинсы и блузку с цветочным принтом. На данный момент о местонахождении девушки ничего не известно. О господи! Я накрылся подушкой, в висках нещадно гудело, сознание постепенно покидало меня, не помню, как заснул.*

Когда я встал, по радио шел прогноз погоды: пасмурно, небольшие осадки опять. Протер глаза и оглядел комнату. Все как и раньше — небольшая студия имела тот же непритязательный вид. Протянул руку, нащупал сценарий, что кинул на стол. Три листа, крупный шрифт, большие интервалы. Вот она, вся моя жизнь.

Ну приступим. Я женюсь в сорок лет, тогда же, когда выйду на пенсию, и меня переведут на бумажную работу, а все это время, все двадцать лет, я обязан пропахать на министерство. Что это за профессия такая, что мне даже жениться нельзя?

«Осведомитель», — прочитал я вслух, пробежался глазами и уже чуть четче понял, в чем суть моей работы. Моей будущей жизни на ближайшие двадцать лет. Мне нужно будет прийти в министерство завтра утром, после ознакомления мне выдадут ключи от моей новой квартиры и — отлично! — машины. Я не знал, какая будет машина, но лучше, чем

ничего. Права я получил в шестнадцать, как и все. Не у всех будет машина, не всем разрешат водить, но учиться нужно было каждому, мало ли что. У меня будет своя машина, даже у Макса ее нет.

Точно! Макс! Вот чего не хватало. Я не слышал брэнчания, потому и заснул. Тишина оказалась такой убаюкивающей, что я буквально провалился в сон. И проснулся, видимо, от нее же, от этой непривычной тишины. Может, он спит? Кого я обманываю, он никогда не спит, постоянно мучает струны, а если не мучает, то слушает, как это делают другие. Макс молчал.

— Макс! — крикнул я. — Макс, ты спишь?

Тишина. А вчера он был? Этого я не помнил.

— Просыпайся, мне дали сценарий. Хочешь поржать, Макс?

Тишина.

Кровать скрипнула, моя кровать, я вышел в общий коридор и окликнул его там. Днем он всегда был дома, только ночью пропадал. Я медленно подходил к двери.

А ты и правда ссыжун, — говорил мне внутренний голос, — ну же, иди еще медленнее, как раз к вечеру доберешься.

Коридор стал непомерно длинным, а дверь Макса непривычно далекой. Кажется, я топтался на месте.

Иди уже, говорил я себе. Я потянулся к металлической ручке, повернул и толкнул от себя. Из комнаты повеяло холодом, на меня смотрело раскрытое окно, на кровати лежала гитара, как-

то криво, норовя соскользнуть. Я подправил ее. Огляделся.

— Макс, ты в туалете, что ли, сидишь?

Комната не издала ни звука. Я подкрался к двери ванной комнаты, прислушался — тишина. Выждав пару секунд осторожно приоткрыл дверь. Никого. Куда же ты делся?

Побыв еще немного у Макса, заглянув на кухню и даже в шкаф, я поплел к себе. За дверью своей квартиры услышал чьи-то шаги. Это Макс. Точно. Я облегченно выдохнул и открыл.

— Ну привет, — сказал я.

— Ну привет, — обернулся Матео, — с днем рождения, друг!

— Спасибо, — протянул я.

— Не ожидал? Я тоже не ожидал, но так получилось.

— Отлично, — еле выговорил я.

— Что с тобой? На тебе лица нет.

— Ты видел объявления?

— О розыске? Ну видел, у нас их целый день крутят.

— Ты так просто об этом говоришь.

— Слушай, у меня дел по горло, и эта девушка, она же не моя дочь. Правильно? К тому же я уверен, она где-то загуляла.

— А можно загулять?

Матео рассмеялся.

— Ну ты даешь...

— Говорят, она не единственная.

— Чего ты боишься, что тебя похитят? Ты не очень красивая баба, Адам. Прямо скажем, на любителя, — Матео опять заржал.

— Да иди ты.

— Что это? — Он взял в руки сценарий. — Ты получил? Поздравляю!

— Спасибо.

— Ну и что там? — Начал он листать. — Ты не против?

Мне было все равно.

— «Осведомитель», — прочитал он по слогам. — И что это значит?

— Это значит, я буду работать на министерство. Каждый месяц мне будет приходиться несколько дел о нескольких людях, вызывающих подозрение. Я буду контролировать их, следить, проверять, докладывать.

— Вот это работа!

— Ты же не завидуешь?

— Еще как завидую!

— Да брось ты, я — стукач.

— Ты — секретный агент!

— Ну да, конечно.

— Ты работаешь на министерство. Ты хоть знаешь, какими связями можешь обрести?

— Ничем я не хочу обрести.

— А я думал, тебя официантом возьмут, — засмеялся Матео.

— Ну спасибо, — расхохотался я.

Меня как будто отпустило. Мы еще долго болтали, около пары часов, вспоминали детство, учебу... Потом он ушел.

А Макса все еще не было.

Задрезжал телефон. Я снял трубку.

— Когда ты сходишь в министерство, Адам? — кричала мать на том конце.

— Уже ходил.

— И кто ты? Официант?

— Да почему же официант, мама?!

— А кто ж еще? — удивилась она.

— Осведомитель.

— Кто?

— На министерство работать буду, — не стал я вдаваться в подробности.

— Правда? — обрадовалась она. — Я всегда знала, что ты у меня умнее всех.

Она никогда так не думала. Ну да ладно, я рад, что она была наконец рада.

3

ГЛАВА

Вся кукла была истыкана иглками. Мягкая, с приклеенными глазами и вшитым в тряпичное тело платьем, она смотрела в потолок. Местами из нее уже вылез искусственный наполнитель, местами она совсем измякла.

Лиззи Руссо сидела на кровати в своей комнате в доме, который заселил муниципалитет. Здесь много студентов, как и в любом общежитии. Всю прошлую ночь она всаживала иглу в подушку, а потом и в тряпичную куклу, раз за разом, расслабив запястье, раз — и игла опять тормозит в миллиметре от цели. Как она будет сегодня колоть? Мало того, что ее тошнит от запаха формалина, так еще обкалывать эти трупы. Кому-то это дается легко. Рикардо приказали принести голову из соседней комнаты в том же морге, и он, как ни в чем не бывало, нес ее, настоящую голову какого-то мужика, он держал ее за волосы, а после опустил в раствор, чтобы слезла кожа. Преподавателю нужен был череп. Лиззи не видела, как кожа слезла, она и череп не видела, и трепанацию тоже пропустила. Она потеряла сознание, как всегда. Преподаватели махнули на нее рукой. Привыкнет, говорили они, все привыкают. Но Лиззи так и не привык-

ла — уже третий курс, а она все еще не могла всадить иглу в этот чертов труп.

Если ребенок кричит и извивается, его приходится привязывать к кушетке, говорили вчера в больнице. Отлично, думала Лиззи, кричит и извивается, а она в обездвиженное тело никак не попадет.

Каждый день после получения документов из министерства — а прошло без малого три года — Лиззи думала, что там что-то напутали. Не могла она быть врачом. Она мечтала стать актрисой, хоть министерство настоятельно запрещает мечтать. Может, всему виной ее отличная учеба в школе, может, в актрисы берут тех, кто и не учится вообще? Да, она сама виновата, точно сама. Кто ее заставлял сдавать на «отлично» биологию и химию. И сдалось ей препарировать этих лягушек. В школе они работали парой, и во время препарации Лиззи зажмурировала глаза, скальпелем работала ее соседка по парте, которая, кстати, даже не учится на врача, ее определили в юристы.

Министерство никогда не ошибается, сказали ей влажные губы в одном из окошечек отдела по срочным вопросам.

Тогда ошиблась я, подумала Лиззи. Надо было завалить биологию.

Ее мать работала парикмахером, и Лиззи с детства околачивалась в ее салоне. Однажды у матери были заняты руки, а клиентке нужно было срочно смыть краску с волос. Тогда Лиззи чуть не стошнило, она не могла прикоснуться к чужим, да еще и мокрым волосам.

Теперь она должна прикасаться к чужим головам, волосам, чужим телам.

— Если вы не сможете лечить людей, — сказал как-то один из профессоров, недвусмысленно посмотрев на Лиззи, — то будете работать в морге. Покойникам вы точно не навредите. Бирки, я надеюсь, вы не перепутаете, мисс Руссо?

Тогда все студенты посмотрели на нее.

Замечательно, весь остаток жизни провести в подвальном помещении с трупами. Отличная перспективка. Но никто не мешал ей научиться колоть, в запасе еще два года учебы и интернатура. Лиззи убрала исколотую куклу в прикроватную тумбу и достала из нее измятую книгу. Этой книге было лет пять или больше, она купила ее на деньги, которые сэкономила на школьных обедах, и прятала все это время где придется. Почему она ее прятала, почему не показывала всем и каждому? Заголовок гласил: «Актерское мастерство». Лиззи и любила эту книгу, и боялась одновременно. Никто не знал, что она интересуется театром, что изучает историю кино, она даже в школьных спектаклях не участвовала, а надо было. Может, тогда бы ее заметили. Хотя кто участвовал — тоже не пошел в кино. Лиззи до сих пор не понимала, по какому принципу там все распределяется. Обняв книгу, она уселась поудобнее и включила телевизор...

«Министерство все решит за тебя, — говорили из телевизионного рупора, — если тебе двадцать один и ты до сих пор не получил письма, мы ждем тебя на приеме каждый будний день».

«Кто-то еще не получил письма, — думала Лиззи, — везет же кому-то». Она получила его в семнадцать, тогда все обрадовались письму: и мать, и отец, и она сама. Министерство оплатит учебу в престижнейшем колледже, а Лиззи будет уважаемым человеком. Ее сценарию мог любой позавидовать: учеба, практика в одной из лучших больниц страны, зарплата в два раза выше средней, замужество в тридцать два, рождение двоих детей. И все это ей уже гарантировали с семнадцати лет, и все это она хотела забыть. Ты не имеешь права не читать свой сценарий, ты обязана знать, что произойдет, и не мешать этому. Она не хотела никому мешать, она лишь не хотела быть врачом.

— Это же круто, — говорила ее соседка, рыжеволосая Хлоя, она влетела сейчас в комнату и стала выгребать вещи из шкафа, — знать, что будет, это гарантия будущего, это то, что мне нужно сейчас, — перебирала она платья одно за другим.

Хлое выдали подобный сценарий, только замуж она должна была выйти в двадцать пять, и очень удачно, за какого-то хирурга, у которого должна будет проходить практику. Она уже узнала, кто он и почему без жены. Жена его умерла за год до того, как Хлое выдали этот сценарий.

— А пока я могу встречаться с кем захочу, — говорила она. — Я свободна еще пять лет! И не нужно никаких серьезных отношений, я могу гулять с кем вздумается, главное — не залететь.

Лиззи смотрела на нее, как на умалишенную.

— Министерство не поймет такой свободы, Хлоя.

— А что я делаю не так? В мед я пошла? Пошла! В обмороки от вида крови не падаю, как некоторые, — она засмеялась. — Из меня выйдет хороший врач. Замуж я выйду. А пока мне что, и погулять нельзя?

— А там, — Лиззи указала на стол, в котором Хлоя хранила свой сценарий, — написано что-то про твои романы? С кем ты будешь встречаться до мужа?

— Нет, не написано, ну и что? Замуж-то я все равно выйду. За хирурга, в двадцать пять, как они и хотят. — Она подвинулась ближе к Лиззи и шепнула ей в ухо: — Я нашла его в интернете, он симпатичный, ему тридцать один.

— Вот и жди его, — заволновалась Лиззи. — Куда ты собралась?

Хлоя наряжалась перед зеркалом. Она натягивала на себя длинные чулки, вдела в уши большие серьги-кольца, облила всю себя цветочными духами, сняла с вешалки черное платье и нырнула в него с головой.

— Я в клуб, — сказала она, — приду поздно, не жди.

Хлоя звякнула серьгами, ключами, дверью и ушла.

Лиззи и боялась за подругу, и завидовала ей. Она тоже мечтала о свободе, но как только задумывалась о ней, то впадала в какой-то панический ступор. Можно ли вот так, как Хлоя? Многие так живут, и ничего. Клуб, который она посещала, был закрытым, нужно было сказать

кодовое слово, и только тогда пройти. Хлоя всегда знала кодовые слова, она везде проходила, и Лиззи уже перестала удивляться этому.

Как-то Хлоя сказала, что в этом клубе одни бессценарные, те, кого так и не вызвали в министерство, и сами они не идут, и письма им не приходят. Многие были нелегалы, так звали тех, кто постоянно менял место жительства, чтобы убежать от письма. Они и документы себе умудрялись менять. Как-то раз в клубе была облава, нескольких выловили, сценарии их были совсем незавидные. Но тех, кто хотел свободы, становилось все больше, и клуб этот не раз менял свое положение, потому в него и пускали только через пароль. Мало ли что.

Лиззи сидела в опустевшей комнате, она не любила быть одна. Можно было тоже пуститься в загул, но она не могла себе это позволить. Лиззи решила ждать замужества. В сценарии написано, что она познакомится с мужем за год до женитьбы — значит, в тридцать один. Еще одиннадцать лет.

«И все эти одиннадцать лет ты будешь старой девой?» — как-то спросила Хлоя.

А почему бы и нет, думала Лиззи, если так написано, значит, так и должно быть. Интересно, ее будущий муж уже получил письмо?

— Ты думаешь, он будет ждать тебя одиннадцать лет? — Лиззи слушала голос Хлои, будто та стояла перед ней. — Черта с два! Он небось уже ходит по бабам и мечтает нагуляться вдоволь, прежде чем окольцевать себя.

— А может, и будет!

Лиззи еще долго говорила с пустотой. А потом уснула в обнимку с книгой.

Ей снилась глубокая бесконечная темнота, она стояла в ней, сжимая исколотую куклу, и не знала, куда смотреть, потому что, куда бы она ни смотрела, все было непроглядно. Вдруг что-то скрипнуло у нее над головой, звуки наполнили пространство, огромный прожектор осветил ее. Лиззи стояла на сцене в белом с люрексами платье, в лакированных вечерних туфлях на высоком каблуке. Кукла в ее руках превратилась в наградную статуэтку, волнение стало радостным, и вся она светилась от счастья.

Лиззи проснулась в полчетвертого утра, когда Хлоя выронила ключи и те разбудили полдома.

— Прости, — сказала Хлоя, снимая через голову платье.

Она была такая живая и возбужденная, что казалось, жила не в этом, а в каком-то другом мире. От нее уже не так пахло духами, Хлоя пахла другим, чужим запахом. На ее шее красовались два засоса, багровый и чуть розовый.

— Вот засранец, — сказала Хлоя, смотря в зеркало, — теперь свитер носить.

Лиззи включила ночник.

— А ты так и провела здесь всю ночь? — спросила подруга.

— Я же спала, — шурилась Лиззи.

— Я же спала, — передразнила Хлоя. — Ты так всю жизнь проспичь. Артур говорит, что они не могут красть наши жизни, не могут, Лиззи.

Артур — это, наверное, очередной временный парень, поняла Лиззи, сколько их уже было.

— Никто у нас ничего не крадет, — ответила она и сама же в том засомневалась.

— Лиззи, милая Лиззи, — села на кровать голая Хлоя, — давай кого-нибудь тебе найдем. Хоть узнаешь, что это...

— Я буду мужа ждать, — отвернулась Лиззи.

— Хорошо, раз ты так хочешь, давай найдем тебе его!

— Кого?

— Твоего мужа.

— А как? — подскочила Лиззи. — У меня только его имя есть — Марк.

— Марк, — повторила Хлоя, — ну хорошо... У меня есть друг, он хакер и может найти любой нужный сценарий. Он взламывает архивные системы министерства.

— Ой нет, — испугалась Лиззи, — это же незаконно...

— Ты хоть увидишь его. Мы подстроим свидание. Хочешь увидеть мужа или нет?

4

ГЛАВА

Энджела Вуд очнулась от боли. Все тело затекло. Отдернула руку. Веревка. Ее связали по рукам и ногам. Она в каком-то помещении. Пол — холодный, каменный, а стены... Она не видела стен, она вообще не видела ничего. Глубокая темнота поглотила и стены, и все, что могло ее окружать. Энджела зажмурилась и тут же открыла глаза. Закусила губу до боли — и все равно не проснулась. Тупая боль отдавала в виске — похоже, ее избили. Она не помнила ничего. Даже своего имени. Как же режут веревки, они такие жесткие, будто сплетены из тысячи металлических нитей. Как она попала сюда? И куда она попала?

Она попробовала пошевелить ногами. На ней были штаны, плотные джинсы, через них не ощущались веревки, они не резали кожу, как на руках. Энджела могла шевелить ногами, сгибать и разгибать колени, раскачивать себя. Она облокотилась назад, но чуть не упала, стены еще не было, она может быть и в центре комнаты.

— Эй! — крикнула она.

Крик был заглушенный, ни малейшего эха. Помещение не могло быть большим. Где же стена? Энджела продвигалась назад и скоро уперлась в такую же холодную шершавую стену, такую же,

как и пол. Теперь сидеть было намного легче, ее затекшую спину и больную голову поддерживала стена.

— Кто я? — спросила она себя.

— А ты не помнишь? — ответил ей внутренний голос.

— Нет...

— Ты не помнишь, что сделала?

Энджела вдруг поняла, что ее внутренний голос — мужской, а может быть, и вовсе не ее.

— Кто здесь? — Она хотела подскочить, но веревка еще сильнее стянула запястье.

Голос стих. Никто с ней больше не говорил. В животе болело от голода, голова кружилась. Временами она проваливалась в забытие. Это был сон с открытыми или закрытыми глазами, и она не понимала, видит ли она темноту. Энджела попыталась заснуть, весь организм хотел этого, все ее тело дрожало от усталости. Но что будет после сна, проснется ли она, позволят ли ей проснуться? Она закрыла глаза. Громкая музыка. Ее тело подхватывало ритм, ее ноздри вдыхали аромат фруктового дыма, громкая музыка не давала уснуть, никто не спал. Где она?

Ты не узнаешь, пока не проснешься.

Энджела открыла глаза — все так же темно. Она попыталась ползти вдоль стены — нужно понять, какой длины помещение, нужно понять, что здесь есть. Шероховатая бетонная машина царапала спину через тонкую блузу.

«Оденься нормально, куда ты в таком виде пойдешь», — услышала она голос матери. Да, у нее есть мать, и пусть в ее памяти вызрела лишь одна ее фраза, но от этого стало как-то легче и захотелось

плакать. Она будто брошенный в загоне слепой щенок, бродящий от стенки к стенке, бесполезно тыкающий носом в ограждения, отделяющие его от свободы. Энджела сдержала слезы, сейчас не время, не время плакать, но если у нее есть мать, значит, ее ищут, ее хотят спасти. Вдруг что-то звякнуло — ключи, это поворачивались ключи. Энджела прижала колени к груди и уткнулась в них подбородком. Звериный страх не давал вздохнуть, он сковал ей грудную клетку, оцепив всю ее. Тугой засов прокручивался назад, приближая неизбежное, раз, два, три, петли заскрипели, тусклый свет заставил зажмуриться.

Длинные мужские ноги ступали по полу, ботинки на толстой подошве, темные брюки — и все, дальше она не смотрела. Он заслонил ей весь свет.

Сейчас я умру, подумала Энджела, лучше умереть, чем что-то другое, лучше убей меня, молила она. Но никто не услышал ее мольбы, она не смогла вымолвить ни слова, во рту пересохло, губы не разомкнуть.

Он уже рядом, он уже дышит на нее, что-то причмокивая во рту. Он схватил ее за руки, проверил веревку. Туго.

— Хорошая девочка, — сказал он. Голос его грудной, но не старый, — ты и не думала бежать, правда? И правильно. От судьбы не убежишь. Теперь я твоя судьба.

Он сжал ее коленку, другой рукой погладил по щеке, дыхание участилось, он дышал как зверь после охоты.

— Посмотри на меня, — скомандовал он.

Она не могла поднять головы.

Он дернул ее за волосы, запрокинул голову и впился своим ртом в ее сухой рот. Он заглотил ее губы, он пожирал их.

Энджела не могла пошевелиться, она боялась и пискнуть, боялась, что будет хуже. Наконец он разжал хватку.

— Почему ты не плачешь? — спросил он, вытирая рот.

Энджела молчала.

— Почему ты не плачешь? — крикнул он и ударил ее по лицу. — Плачь! — прокричал он, взял ее голову в обе руки, обхватил, как клещами, и стал сжимать. — Я сказал — плачь! Надо плакать. Не хочешь? Я помогу.

Он ударил ее затылком об стену так, что она услышала хруст в ушах, слезы хлынули, текли по щекам, она стонала от боли в затылке, от боли в руках и ногах.

— Так-то лучше, — сказал он и стал гладить ее по больной голове, по мокрым щекам, стал целовать ее щеки и мокрые дрожащие губы.

— Ты боишься меня?

Энджела закивала.

— Боишься, — говорил он, не отрываясь от ее губ, — все боятся неизвестности. Ты же знаешь, что будет, когда я приду во второй раз?

Энджела не хотела этого знать.

Он говорил медленно, задыхаясь. Потом поднес свою руку к ее губам.

— Целуй, — приказал он.

Энджела поцеловала.

— Не верю, — процедил он и треснул ее еще раз.

Энджела упала, ударилась головой о бетонный пол и заплакала.

5

ГЛАВА

Моя новая квартира была значительно больше предыдущей. И вид из окна говорил о серьезности моего положения, это вам не мусорные баки на заднем дворе, это почти центр. Если представить, что здания справа не было, то я, можно сказать, смотрел на министерство. Я закрыл шторы и отвернулся от света, меня словно передернуло. Опять эти рекламные щиты. Они светили рекламой магазина женской косметики, но я видел лишь одно лицо — лицо пропавшей девушки, которая еще недавно смотрела с них на меня и на всех прохожих, застывших тогда на дороге. Ее больше не показывали. Неужели нашли? А может, перестали искать. А если нашли и не говорят, значит...

Не хотелось об этом думать, в любом случае меня это не касалось.

Я оглядел комнату: мебель привезли хорошую, техника была тоже новая — телевизор, холодильник, живи не хочу. Машина, конечно, не фонтан, но вручали мне ключи с таким видом, будто говорили — и за что тебе это, пацан?

А я и сам не знал за что. Вчера я был в министерстве и забрал дела людей, за которыми мне нужно присматривать.

— *Да не-е-ет, ты не стукач, – говорил внутренний голос.*

— Кого ты обманываешь?

— *Тебя, кого же еще, – сказал он и заржал.*

Макса я так и не встретил, я ждал до последнего, еще днем приходил, после переезда, но его дверь была закрыта, собственно, как и моя. Может, он тоже получил сценарий, просто не сказал мне? Нет, он бы сказал, он бы вломился ко мне и кинул эти листы на стол, а потом крикнул: «В это дерьмо я играть не буду!» Он бы не ушел просто так. А может, он загулял? Хорошо бы так было.

Всего мне поручили три дела. Не так много, как я думал, но так даже лучше. Меньше людей – меньше проблем. Мне предстояло следить за теми тремя, узнать, как они живут и следуют ли написанному, если нет – доложить.

— *Ты стука-а-а-а, Адам.*

— Сам знаю. Заткнись.

Я чаще стал говорить сам с собой, хотя от одиночества многого ждать не приходится, должен же я был хоть с кем-то говорить.

Итак, что мы имеем? Я – человек без особого таланта в общении – должен буду внедриться в жизни посторонних людей, не зная о них почти ничего. Нет, конечно, что-то я знал. По три листа на каждого.

Нужно как-то войти в доверие, никто не будет раскрывать все карты незнакомцу. Это было бы очень подозрительно. И почему они не находят осведомителей среди близких своих подопечных?

– *Да ты подлец, Адам.*

Да, через близких было бы чересчур. Не должно быть никакой связи, только работа. Эти люди, за которыми нужно приглядывать, дела которых мне вручили, должно быть, хотят отступить от сценария, если уже не сделали этого. Но откуда министерство знает об их намерениях? Когда я думал о возможной тотальной слежке, о камерах, что висят на каждом шагу, мне становилось не по себе. Я будто был заключенным, мы все ими были, только меня вдруг назначили надзирателем. Что-то странное я заметил во взгляде Матео. Да, вчера он радовался за меня, но его взгляд... Он уже сторонился. Это нормальный рефлекс – сторониться того, кто может на тебя наступать. Хотя чего бояться Матео, он ли не самый законопослушный гражданин?

Я взял одно из дел.

Нина Коллет, официантка, кафе Фредо, адрес и фото прикреплены. Ничего примечательного в ее деле не было: школа, замужество, рождение дочери. Смерть мужа. Она вдова. Замечательно, я буду стучать на вдову! Просмотрел мельком два других сценария, их герои были еще скучнее. Ничего особенного. Я думал, мне дадут людей поколоритнее, я представлял себя чуть ли не секретным агентом, а мне дали какую-то мать-одиночку, студентку и старика на пенсии.

У меня засосало под ложечкой. Только сейчас я вспомнил, что с утра ничего не ел. Поэтому поход в кафе, к этой самой Нине, был очень кстати.

Мой навигатор отказался показывать дорогу уже на середине пути. В его программе этого адреса даже не значилось. Хорошо, что у меня была карта. Я настроил навигатор на ближайший к тому месту адрес и продолжил путь. Чем ближе я подъезжал, тем больше вжимался в кресло, я уже не сидел за рулем, я выглядывал из-за него. Что это за место, черт его дерит? Неудивительно, что мне поручили Нину и послали в эту дыру. Никто другой на это бы не согласился.

Нельзя назвать это заведение кафе, нет, нельзя назвать это место заведением. Я не знаю, как это назвать, ей-богу, какая-то забегаловка, в которую ходят отбросы общества сбрасывать дневную усталость. Они все трезвы, безусловно, трезвы, злоупотребление карается законом, но похожи они на беспробудных пьяниц, валящихся с ног. Что это за люди такие? Откуда они вообще взялись? Я перестал их рассматривать в ту же секунду, как они всем скопом посмотрели на меня, с ног до головы, с головы до пят, и так и оплевывали меня взглядом, пока я выбирал себе столик. Мне казалось, меня раздели до трусов, точно раздели, я будто голый сидел. Никогда я не был богатым человеком, но в их глазах я, кажется, был богачом. Одежда их будто из прошлого, да, мой отец носил тот же спортивный костюм, на семейных фотографиях он был в нем, тем фото было лет двадцать. Видимо, новой одежды они себе не покупали. А я был в новом, но я не виноват, честное слово, мне захотелось встать и отчитаться, что этот пиджак я взял с хорошей скидкой в среднем таком магази-

не, а брюки — им вообще уже года два. Кроссовки, да, новые, я спрятал ноги под стол.

Неужели мне придется прийти сюда еще раз? Как бы наладить контакт с первой встречи, узнать все и доложить.

Кого я обманываю, знакомства не мой конек, и мне очень повезет, если удастся сказать официантке пару непринужденных фраз, не относящихся к заказу. Что же ей сказать? Спросить, как дела? А это вообще нормально, сделать заказ и спросить, как дела, как дела...

— Что будете заказывать?

— Как дела?

— Что?

— Ой, простите, — ну молодец, теперь разруливай...

— Вы это мне?

Официантка не сводила с меня глаз. Что бы ей ответить, не сойдя за психа или идиота. Если спросить, как дела, то она поймет, что ей не слышалось, и сочтет меня за самовлюбленного придурка, который решил подкатить... А может, мне и правда позаигрывать с ней? Как будто я знал, как это делается. Она все еще смотрела, а я все еще молчал. Пауза слишком затянулась, слишком затянулась пауза, ну, скажи же что-нибудь!

— Как делается ваш кофе? — наконец выговорил я. — Мне интересно знать как вы его делаете.

Вот ты идиот...

— Кофе? — удивилась она, посмотрев на меня с подозрением, как учительница, в класс которой пришел странный пацан и она не знает, идиот он или прикидывается. — Кофе у нас в

пакетиках, растворимый. Сначала мы открываем пакетик, высыпаем содержимое в кружку, заливаем кипятком, берем ложечку и перемешиваем по часовой стрелке, вот так, — водила она карандашом, который достала из-за уха.

Ну все, дело можно считать провальным, я для нее точно идиот. Как делается кофе? В таком заведении как оно еще может делаться. Возьми себя в руки, говори как ни в чем не бывало, будто ты не совсем кретин.

— Принесите мне чашечку эспрессо, пожалуйста, — попросил я.

— Хренессо, — заржал хриплый голос.

Заржали все.

На моих щеках яичницу можно было жарить.

— Не обращайтесь внимания, — улыбнулась официантка.

— Я здесь первый раз.

— Я поняла. У нас нет эспрессо, и кофемашины тоже нет. Я могу вам принести только растворимый кофе.

— Отлично, — выдохнул я.

На ее бейдже выцветшей пастой значилось имя *Нина*.

— Есть что-нибудь будете?

— Нет, — сказал я. — Да, буду...

Если я выпью только кофе, то и уйду почти сразу, тогда мне с ней не поговорить.

— А что у вас есть?

— Сегодня на завтрак тост с сыром и омлет. Была и каша, но она закончилась.

Девушка заметно засмущалась, видно, ей было неудобно от скудности утреннего меню.

— Вот и замечательно, кофе, омлет и тост. Все принесите.

Она улыбнулась и ушла, а я не знал, куда себя деть. Сквозь табачную поволоку на меня «установились» золотые зубы, перекатывающие сломанную зубочистку из одного угла рта в другой, изношенные ботинки отбивали какой-то ритм, черные пальцы с такими же почерневшими от грязи ногтями стучали по столешнице. Смотрели, отбивали, стучали, смотрели, отбивали, стучали... Я закашлялся от резкого сигаретного дыма, и этот чертов кашель никак не проходил.

— Ты какой-тодохлый, парень, тифозник, что ли? — спросил тот, что с зубочисткой.

Раздался ржачный гул.

Я промолчал и уткнулся в изрезанную ножичком, убитую временем столешницу. Все здесь было настолько изуродованным, что, казалось, не имело смысла чинить что-то одно, легче было сжечь это место. Я и не знал, что такие места существуют, что такие люди живут среди нас, на улицах я их тоже не видел. Они походили на настоящих работяг. Грузчики или шахтеры. Ей-богу, из окон своих теперь уже двух квартир я видел только людей с дипломатами и в выглаженных пиджаках, а единственные работяги, которые мне попадались, — это доставщики пиццы и чистильщики кондиционеров.

Кашель не унимался. Нина пришла с подносом, я отпил кофе.

— А комнаты для некурящих у вас нет? — спросил я.

— Вы здесь первый некурящий, — улыбнулась Нина, расставляя передо мной тарелку с поджаренным хлебом и омлет.

— И давно вы здесь работаете? — схватился я за последнюю ниточку ускользавшего разговора.

— Так уже около шести лет, — сказала она и скрылась в дыму между этими громилами.

Шесть лет! Я тут шесть минут — и уже не знаю, куда себя деть.

Вскоре она вновь появилась с подносом, направляясь к другому столику. На меня Нина даже не взглянула.

Вот и все? Весь разговор? И что мне делать, дожидаться ее на улице, пока смена не закончится? А если она сутки работает. О том, чтобы торчать около этой кафешки всю ночь, я и думать не мог.

Да уж, наверное, в этом министерстве точно ошиблись, назначив меня на эту должность. С такой ролью хорошо бы справился какой-нибудь красавец мексиканской наружности, какой-нибудь Густаво или Лижейру, с черными глазами и такой же щетиной, с атлетической фигурой и сильными руками. Я посмотрел на свои руки, кисти у меня были тонкие, будто женские, а щетина, не говоря уж о бороде, совсем не росла. Я не имел никакого мужского обаяния, я вообще ничего мужского в своей внешности не имел. И как она должна была заметить меня? Не заказывать же мне этот отвратный кофе еще раз. Второй чашки я не вынесу, да и назвать эти помои кофе язык не поворачивается, на нем, кстати, до сих пор остались нерастворимые кру-

пинки этого пойла. Сколько же зарабатывают эти работяги, что вынуждены пить вот это все?

Нина ходила туда и обратно, приносила закуски, уносила стаканы, приносила новые. Я смотрел на нее не отрывая глаз, она сейчас обернется, а я ей улыбнусь или подмигну.

Подмигнешь, не смеши меня.

Да уж, и правда смешно. Как-то в школе я подмигнул одной девчонке, она подумала, что у меня нервный тик. Впредь я и не пытался заигрывать. Не стоило пугать собой людей.

Звук разбитого стекла вернул меня на землю. Какой-то мужик швырнул кружку об стену, оставив на ней кофейную кляксу.

— Что за муть ты мне дала? — схватил он Нину за руку. — Это, по-твоему, кофе? Я проработал всю ночь, и мне еще днем пахать, налей мне настоящего черного, но сначала вылижи это! — указал он на облитую стену.

— Я сейчас все уберу, — тихо сказала Нина, пытаясь высвободиться из лап этого животного.

Все молчали. Какого черта все молчат? Ну, скажите же что-нибудь. Надо же что-то сказать!

— Эй, отпусти девушку! — сказал я.

Зачем ты встал? Все, теперь тебя по стенке размажут! Сядь, сядь сейчас же, или нет, залезь под стол...

— Она ни в чем не виновата, — не останавливался я.

Ну все, нам кранты.

— Что ты сказал? — громила выплюнул зубочистку, отпустив руку Нины.

— Что слышал, — ответил я. Да так резво ответил, сам от себя не ожидал.

Ой, идиот... — внутренний голос исчез.

Толпа мужиков у стойки расступилась, табачный смог рассеялся, громила шел на меня. Его мускулы напряглись, рубашка затрещала, он щелкал костяшками пальцев, во мне тоже трещали кости и дрожали все до одной от предчувствия неминуемой боли.

Сейчас бы забраться под стол, или смотреть отсюда, или еще лучше умереть от инфаркта, вот прямо сейчас. За спиной громилы — смеющиеся глаза выжидающих зевак и одни сочувствующие — глаза Нины. Ну хоть кого-то волнует моя участь, подумал я. Если умирать, то с гордо поднятой головой. Я попытался поднять голову, расправить плечи, но ничего не получилось, моя голова, как и шея, просто вросла в меня, я так съежился, что не мог пошевелиться, я был одним сплошным комком страха.

— Иди-ка сюда, — рыкнул бугай, — иди, не бойся, — ухмыльнулся он почерневшими зубами, — я только сверну тебе шею, пацан, только и всего.

— Угомонись, не лезь, — пытался уговорить его один.

— Ты ж его одним пальцем раздавишь, оставь пацана.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Нина.

— Заткнись, стерва, — выпалил он.

Его опухшее лицо забагровело, губы надулись, выплевывая мелкие слюни, глаза полопались красными жилками, ноздри пыхтели, как у быка.

А я был тряпкой, красной скукоженной тряпкой, которую вот-вот разорвут на куски. В принципе, я прожил не такую плохую жизнь, я попытался защитить человека...

Бугай взял меня за шкуру и поднял над собой, воротник трещал, мои ноги висели, как на шарнирах, я не мог дышать, кажется, язык встал поперек горла. Я попытался двинуться — бесполезно, страх сковал каждый мускул, кровь отлила от лица.

— Да он синющий весь, сейчас помрет! — крикнул кто-то.

Он поднял меня еще выше и с размаху бросил на стол, я ударился боком и грохнулся на пол, в ребре что-то щелкнуло, в глазах потемнело, а потом запищало — не у меня, у него.

— Вот черт! — Бугай посмотрел на руку, браслет на ней издавал все тот же неприятный писк, звук нарастал, становился все громче, он попытался снять его, стиснул зубы, скривил пальцы, но не смог, черный браслет пищал, мигая красным светом.

Вдали послышались полицейские сирены, зеваки расступились, он ринулся к двери и вылетел из забегаловки. Визг тормозов, шорох шин по асфальту, выстрел, крик, тишина.

— Идиот, — сказал кто-то, — вставай, пацан.

Мне помогли подняться.

Я вспомнил, как дышать.

6

ГЛАВА

Макс перебирал нехитрые аккорды, зажимая струны дрожащими пальцами, знакомый мотив проникал в сознание, наполнял его, отпуская мысли. Воздух пах фруктовым дымом, Макс зажимал ребристые струны, шагая пальцами от одной к другой, гитара почему-то непривычно легкая, а струны теперь не ребристые, а мягкие, похожие на нитки из шерсти овец.

Что происходит?

Он посмотрел на руки, гитары в них нет, это сон, ему снилась мелодия, и брэнчание струн, и запах фруктового дыма. Странно, он был и сейчас.

Макс открыл глаза, а потом еще раз открыл, чтобы убедиться, что все правильно: да, он не спит, просто темень вокруг. Смотри не смотри — смысла нет. Повернулся на кровати и замер — кровать была не его. Она скрипела сцепленными пружинами, гамаком прогибаясь под ним. Матрас тоже не первой свежести, от него чем-то пахло, потом или прокисшей едой. Макс нащупал ногами пол, холодный, с какой-то тряпкой вместо ковролина, облокотясь на локоть, он сел. В плече отдавало болью, костяшки пальцев зудели и жутко чесались, он потрогал — подбиты.

Что за ерунда?..

Встав с кровати, схватился за ребра, попробовал покашлять — больно, но терпимо, видимо, просто ушиб. Обойдя кровать, держась за пошарпанную металлическую спинку, он дотянулся до стены, вот она, такая же бетонная, как и пол. Прошаривая стену, будто мим, Макс ступал медленным коротким шагом. Где-то должен быть выключатель. Это как искать черного кота в черной комнате, хотя нет, с котом, наверное, проще. Пройдя еще пару шагов, он напоролся на что-то острое и твердое — сумка под его ногами зазвенела тяжелым и металлическим. Да и руки еще чем-то пахли. Переступив то ли сумку, то ли рюкзак, он и дальше обыскивал стену, не упуская ни дюйма. Макс ощупывал стену, пока что-то холодное не скользнуло под его ладонями — точно, похоже на зеркало. И в нем тоже пустота. Сделав шаг, ударился обо что-то бедром и пальцем ноги, боль от мизинца отдалась во всем теле. Умывальник. Макс нашел кран и открыл, холодная вода с примесью песка зажурчала под дрожащими пальцами, он жадно пил, песок скрежетал на зубах. Умывшись, Макс нашел полотенце, а под ним выключатель. Недолго думая, включил.

Желтый треск наполнил комнату. Макс смотрел в раковину, ржавая вода смывала кровь с его рук. Он нехотя поднял взгляд и посмотрел на себя. Все лицо в ссадинах, как и руки, он задрал рубашку, как и живот. Кровь запеклась у висков.

Что же было вчера? Или вчера он тоже был здесь, что он помнил последним? Голова затре-